

Сергей Алешновский

Кровь и сталь

<https://litres.ru/74399338>

SelfPub; 2026

Аннотация

Печать Хаоса трещит. Демоны вот-вот прорвутся в мир, и ни у кого нет сил им противостоять. Рыцарь Эдгар Морвенд — единственный, кто готов искать ответы там, где их никто не ищет.

Его путь начинается в замковом рву с ведьмой, которая не отдаст знание даром. Впереди — последний дракон, готовый истратить последние силы, надменные эльфы, требующие поединка, и шахты гномов, где плата за артефакт — жизнь. Но главное испытание ждёт в человеческом царстве, где король забыл о долге и торгует наследием предков ради власти.

Каждый шаг требует жертвы. Эдгару предстоит выбирать между честью и победой, клятвой и правдой, собой и другими. У Разлома он услышит голос Бездны. Она предложит ему всё, о чём он мечтал. В обмен на мир.

«Кровь и сталь» — история о том, что настоящая сталь куётся в выборе. О том, что даже в тьме остаётся место для человечности. И о том, что иногда, чтобы спасти всё, достаточно просто не сдаться.

Сергей Алешновский

Кровь и сталь

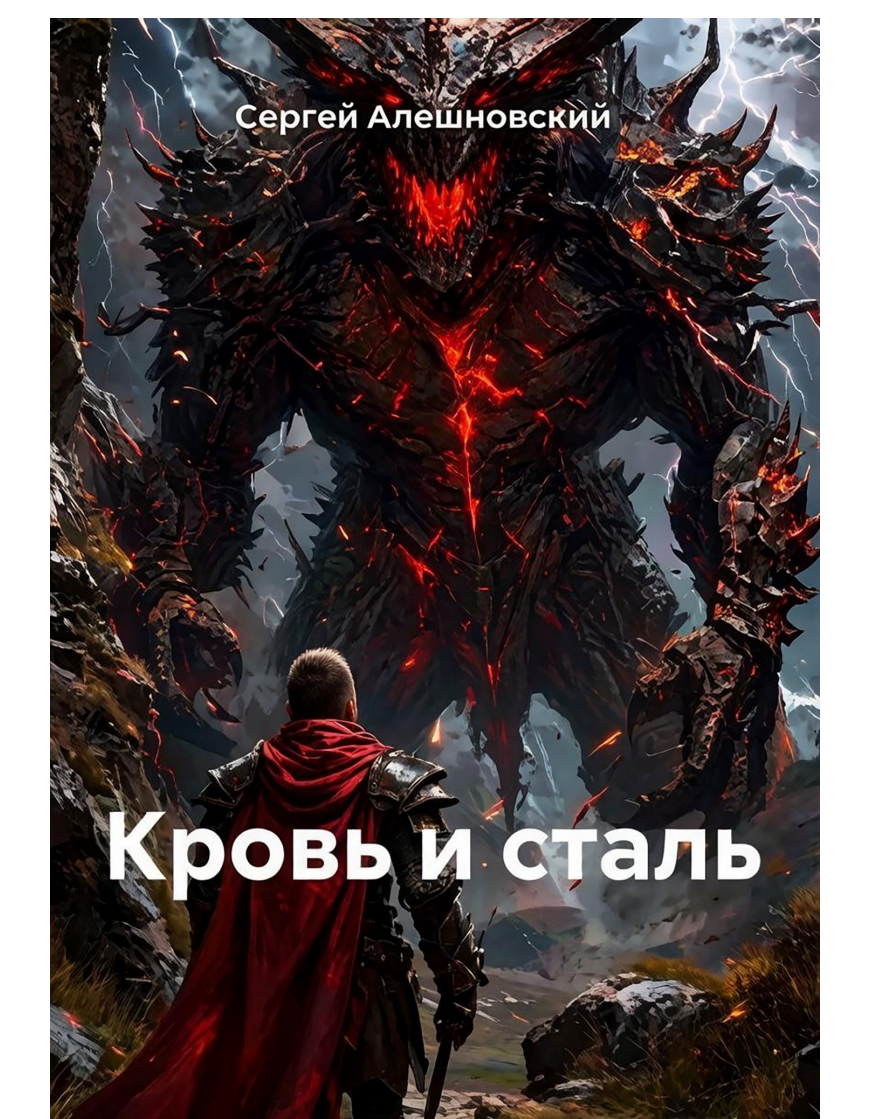
Кровь и сталь

Жанр: героическое фэнтези с элементами тёмного (dark) и психологического фэнтези.

Целевая аудитория: взрослые и молодые взрослые (16+), любители историй о моральном выборе, сражениях и сложных персонажах

Автор : Сергей Николаевич Алешновский

2026 г.

Сергей Алешновский

Кровь и сталь

Привет. Я рад, что ты здесь.

Честно: когда я начинал писать, я не думал, что это выльется в книгу. Мне просто нужно было проверить себя — могу ли я рассказать историю, которая будет звучать в голове громче, чем повседневный шум. И я рискнул.

Что ты найдёшь на этих страницах?

Не героя в сияющих доспехах. Я покажу тебе рыцаря, который боится, сомневается и теряет. Но — идёт дальше. Не потому, что он избранный. А потому, что у него нет другого выбора.

Не злодеев из сказок. Здесь каждый по-своему прав. Даже те, кого принято ненавидеть.

Не идеальный мир. Здесь трещит Печать, демоны рвутся снаружи, а внутри гниют королевские клятвы.

Но это ещё и история о том, что надежда пробивается даже сквозь камень. О том, что одна встреча — с ведьмой, с драконом, с собственным страхом — может изменить всё.

Почему эта книга важна для меня?

Потому что она — моя сталь. Я писал её на пределе, сдавал каждый день в дедлайн, спорил с героями и боялся, что у меня ничего не получится. Получилось.

А почему она может стать важной для тебя?

Потому что у каждого из нас есть своя Печать. Свой страх, который мы носим. И я верю, что если ты прочитаешь эту

историю до конца — ты найдёшь в ней что-то, что отзовётся именно тебе.

«Кровь и сталь» — книга о выборе. О том, что настоящая битва не с демонами, а с сомнениями. О том, что даже в мире, где всё рушится, остаётся место для человечности.

Добро пожаловать в мир Морвенда. Я надеюсь, ты задержишься в нём дольше, чем я планировал.

Сергей Алеиновский

Древнее пророчество

«Когда Первая Печать дрогнет, вода в замковых рвах станет тёплой, а мёртвые заговорят с живыми. Придёт тот, кто носит сталь, и та, кто помнит огонь. И цена их встречи будет выше золота».

— Из «Книги Теней», том III, перевод с древнеэльфийского

Пролог

«Голос из воды»

Она слышала треск первой Печати за три дня до того, как небо над Морвендом начало темнеть. Это был не звук. Это была боль, которая пронзила её насквозь — от макушки до пят, от старых шрамов до ещё не рождённых слёз. Ведьма вздрогнула и уставилась в чёрную гладь замкового рва. Вода, ещё вчера ледяная и неподвижная, вдруг стала тёплой, как парное молоко. От неё пахло гарью и железом — запахом, который она не могла забыть уже тридцать лет.

Она сидела на корточках у самой кромки, опустив руки в воду. Вода обжигала, но она не отнимала рук. Ей нужно было понять, откуда идёт этот зов.

«Ты слышишь?» — спросил голос из глубины. Он был древним, хриплым, как скрип половиц в доме, где умерли все хозяева. Он шёл не из воды, а из-под воды — оттуда, где

спят старые боги и просыпаются старые страхи. «Печать трещит, ведьма. И они идут. Твои враги... и твои спасители».

Ведьма не ответила. Она смотрела на своё отражение — молодое лицо, испуганные глаза, седые пряди, выбившиеся из косы. Она казалась себе чужой. Когда-то, тридцать лет назад, она была другой. Тогда она ещё верила в добрых королей, в честных рыцарей и в то, что мир не оставляет тех, кто просит о помощи. Ошиблась. Жизнь научила её молчать и ждать.

«Почему я?» — наконец спросила она, и голос её был тише воды.

«Потому что ты — первая, кто услышала. Ты — последняя, кто помнит», — ответила пустота.

Она посмотрела в глубину своих зрачков. И там, в самой глубине, мелькнул золотой отблеск — чужой, холодный, не её. Она знала: он появится у того, кто придёт к ней за помощью. Судьба уже начала плести свою нить, и эта нить была алой, как кровь.

«Выбирай, ведьма», — прошептала вода. «Спасай себя или мир. Но помни — цена всегда одна. И никогда не та, которую ты ожидаешь».

Ведьма выпрямилась, стряхивая воду с рук. Она медленно поднялась на ноги — ломкие, сухие, как старые корни. И в её глазах, тусклых и серебряных, зажглась тихая, холодная решимость.

Она знала эту цену. Она ждала её тридцать лет. И она была

Цена пророчества

Воздух в замке стал густым, как старая кровь. Он оседал

на стенах липкой изморосью, просачивался сквозь бойницы, и даже факелы горели как-то неохотно, скупое, словно экономили свет для тех, кто еще способен его видеть.

Рыцарь Эдгар не поднимал головы от манускрипта уже четвертые сутки.

Он сидел в северной башне, где прежде хранились счета и налоговые списки, — в главной библиотеке давно не осталось ни одного незапятнанного плесенью свитка. Здесь пахло воском, сухой мятой и отчаянием. Стол был завален обломками глиняных табличек, клочками пергамента и чертежами Печати, которые он перерисовывал вновь и вновь, пока линии не начинали двоиться в глазах.

Замок Морвенд стоял на семи холмах, как старый зубастый зверь, который уже не мог рычать, но все еще мог укусьить. Его стены помнили три осады, две эпидемии и одного безумного короля. Сейчас они молчали. Слишком напряженно молчали. Эдгару казалось, что даже камни прислушиваются к гулу, идущему из-под земли.

Он чувствовал себя не избранным. Нет, избранность — удел тех, кто верит в знаки. А Эдгар верил только в свои руки, в зазубренный клинок, который висел на стене, и в цифры. Проклятые цифры, которые не сходились.

Печать истончалась. Он знал это не по пророчествам, не по снам и не по голосам. Он знал это по тому, как дрожала вода в кубке по ночам. По тому, как собаки в псарне выли на луну, хотя луны не было. По тому, что его собственное

отражение в начищенном щите начало казаться чужим.

Он не хотел отсиживаться в замке. Но и не рвался наружу с криками и мечом, как обезумевший паладин. Эдгар был из тех рыцарей, которые сначала просчитывают все пути отступления, а уже потом — атаки. И все пути вели к одной точке: ему не хватало знаний. Артефактов не было, магистры сгорели на кострах еще до его рождения, а старые карты вращались так же часто, как придворные шуты.

Оставалась ведьма.

Он нашел ее в замковом рву, когда туман уже начал клубиться белыми пальцами, ощупывая зубцы стен. Она сидела по пояс в черной воде, прислонившись спиной к замшелому камню, и была так измучена, что даже не пыталась выбраться. Глаза — цвета старого серебра — смотрели на него без страха. С усталой насмешкой.

— Я знала, что ты придешь, — сказала она. Голос был хриплый, как у человека, который не пил трое суток. — Вопрос только в том, сколько ты готов отдать.

Эдгар спустился вниз по скользким ступеням, не обнажая меча. Он не боялся ведьм. Он боялся правды, которую они носили в зубах, как собаки носят кость.

— Мне нужны координаты узлов, — сказал он, садясь на корточки напротив нее. — Ты знаешь, о чем я. Три камня, на

которых держится Печать. Если их укрепить, Хаос отступит.

Ведьма усмехнулась и сплюнула в воду. Темная слюна зашипела, растворяясь.

— И это все? Камни? Ты думаешь, пророчество — это карта сокровищ? Нет, рыцарь. Это торг. И цена твоя — не золото.

Она подняла на него мутный взгляд и вдруг улыбнулась — той улыбкой, которая видит прошлое и будущее одновременно.

— Я голодна, Эдгар. Я голодна тридцать лет. С тех пор, как твой дед приказал сжечь мой дом и закопать мою сестру заживо, я питаюсь одной лишь ненавистью. Но ненависть, знаешь ли, приедается. Мне нужна человеческая пища. Настоящая. Хлеб. Мясо. Соль. И красное вино. Не из твоих погребов — отравленное. А настоящее, из моей родной долины, что за Черным лесом. Достань мне его, и я скажу, где искать первый камень.

Эдгар не моргнул. Он смотрел на нее и видел не ведьму — женщину. Изломанную. Ожесточенную. Но не безумную. Она могла бы потребовать крови. Его клятвы. Его чести. Она могла раздавить его идеалы одной фразой. Но она попросила хлеба и вина. Она попросила того, что было у нее отнято первым: простого, человеческого, теплого.

Он выпрямился.

— Буду к утру.

Она засмеялась — сухо, надсадно, с кашлем.

— Ты серьезно? Ты даже не спросил, не обман ли это? Не ловушка?

— Спрошу, — ответил Эдгар, уже поднимаясь по ступеням. — Когда принесу.

Он не обернулся. Он знал, что ведьма останется в воде, потому что не верила в его возвращение. Она привыкла к предательствам. Она ждала их, как дождя.

Но к утру, когда серый рассвет разлился по стенам Морвенда, Эдгар снова спустился во ров. Он нес в руках узел: свежий хлеб, завернутый в холстину, солонину, кувшин с густым терпким вином и горсть яблок, сморщенных, но пахнущих медом.

Он не взял охрану. Не взял меч. Он просто сел на край камня, развязал узел и протянул ведьме краюху.

— Ешь. Потом говори.

Она смотрела на него долго. Так долго, что туман успел рассеяться. А потом — взяла.

Она ела жадно, грязно, пальцами, не убирая волос с лица. И плакала. Не потому, что ей было больно. А потому, что она забыла, как это — когда тебе верят.

Когда она доела, то вытерла рот тыльной стороной ладони и сказала:

— Первый камень — под корнями Той-Сосны, у забытого моста. На нем вырезан знак, похожий на раскрытую ладонь. Только не касайся его голой рукой. И не бери с собой меч — он солжет.

Эдгар кивнул и встал.

— Я запомню.

Она посмотрела ему вслед и тихо, почти беззлобно, добавила:

— Ты странный рыцарь, Эдгар Морвенд. Ты не предал себя, чтобы спасти мир. Ты просто... покормил ведьму.

Он остановился, не оборачиваясь.

— Это и есть цена, — сказал он. — Человечность. Ты требовала не ее отнять, а ее вернуть.

И он ушел в замок — собираться в путь. Туман позади рассеивался, и впервые за много дней небо над Морвендом казалось не свинцовым, а серым, почти светлым.

Конец первой главы.

Глава 2. Кровь дракона.

Кровь дракона

К утру следующего дня Эдгар Морвенд знал точно: камни Печати — не главное. Главное — скрепа. Та невидимая жила, что проходила сквозь все три узла и удерживала их в равновесии. Без неё даже укреплённые камни рассыплются в пыль, как пересохшие кости. А скрепой этой была кровь. Не простая, не человеческая — та, что помнит огонь.

Больше никто не мог её добыть. Только он.

Эдгар не спрашивал, почему судьба выбрала именно его. Он просто принял это как факт — такой же неопровержимый, как то, что небо над Морвендом больше не будет прежним, пока он не вернётся.

Он выехал на рассвете, когда замковые ворота ещё скрипели от росы. С ним не было ни отряда, ни оруженосца. Только верный конь по кличке Ветер да свёрток с картой, которую ведьма нацарапала углём на обрывке пергамента. Она не пошла с ним. Сказала: «Я своё отсидела в воде. Теперь твоя очередь мокнуть под дождём». И усмехнулась, но в глазах её было что-то тёплое. Почти человеческое.

Три дня он скакал через земли, которые когда-то назывались Зелёным Клинком. Теперь они звались Выжженными. И не зря.

Пепел лежал под копытами Ветра серым пухом. Ни травинки, ни куста. Только редкие чёрные стволы, похожие на пальцы мертвецов, тянулись к низкому небу. Воздух пах гарью и одиночеством. Здесь не пели птицы. Здесь даже ветер был каким-то сухим, безжизненным — он не шумел, а царапал лицо колючей пылью.

Эдгар думал о том, что драконы когда-то правили этим краем. Их чешуя сверкала на солнце, их крылья закрывали небо, а их крики заставляли дрожать горы. Теперь остался только пепел. И один-единственный потомок, о котором ведьма говорила шёпотом, словно боялась, что его имя вер-

нёт пламя.

Он нашёл его не в логове, не на вершине скалы и не в подземелье.

Эдгар нашёл дракона на базарной площади мёртвого города — города, которого уже не было на картах, но который всё ещё стоял, как обугленный скелет. Площадь когда-то была большой, окружённой колоннами. Теперь колонны лежали, расколотые, и между ними, на самом солнцепёке, сидел человек.

Он был стар. Кожа его походила на потрескавшуюся кору, и только глаза — вертикальные, жёлтые, с узкими зрачками — выдавали породу. Он сидел на обломке мрамора и пытался нанизать на нитку сушёные грибы. Руки его дрожали. Обычные старческие руки. Никакого величия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.